

ПРИБАВЛЕНІЯ  
КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ  
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

(ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.)

СЕНТЯБРЯ 1. № 17. 1881 ГОДА.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

*Ангелъ успеніе Пречистыя видѣвши, удивившася, како дѣвца восходитъ отъ земли на небо.*

Ныиѣ, слуш. христ., святая Церковь возводитъ насъ на ту высоту Христіанскаго міросозерцанія, откуда для насъ становятся видными и понятными таинственная связь и сокровенныя отношенія между землею и небомъ, откуда ясно видимъ, что земля составляетъ для насъ переходное поприще къ небу; ея не ограничивается наша жизнь, а небо завершаетъ и вѣнчаетъ всѣ наши лучшія стремленія, надежды и ожиданія. Матерь Божія, жившая и на землѣ для одного только неба, разоблачаетъ предъ нами то таинственное будущее, которое предназначено намъ Всемогущимъ и Всеблагимъ Богомъ, и указываетъ путь, которымъ мы должны идти послѣ смерти. Она своимъ славнымъ восхожденіемъ на небо торжественно свидѣтельствууетъ о всеильной волѣ Бога Сына: *Отче! иже далъ еси Мнѣ, хошу, да идыже есмь Азъ, и тиѣ будутъ со Мною: да видятъ славу Мою, юже далъ еси Мнѣ.* (Іоан. XVII. 24).

Память о чудномъ преставленіи Богоматери можетъ быть благотворною и утѣшительною для насъ особенно тогда, когда мы сознаемъ, что наша жизнь здѣсь приближается къ концу, и когда мысли о скоротечности и суетности ея невольно будутъ насъ располагать къ унынію.

Вообще все наше существованіе здѣсь представится въ другомъ свѣтѣ и видѣ, когда мы, вспоминая безсмертное успеніе Пресвятой Богородицы, будемъ ясно сознать и живо чувствовать ту важную христіанскую истину, что въ перстномъ составѣ тѣла мы носимъ божественное дыханіе безсмертной жизни. Мы живемъ подъ вліяніемъ плоти и разнообразныхъ чувственныхъ впечатлѣній и ощущеній, но вмѣстѣ съ этимъ мы призваны на дѣла духовныя, плодъ которыхъ пребудетъ во вѣки. Наше истинное отечество и *наше житіе на небесахъ*. (Филип. III 20).

Къ сожалѣнію, эта священная истина, которая должна быть путеводною звѣздою, направляющею и одушевляющею все наше существованіе и всю нашу дѣятельность на землѣ, часто весьма многими совѣмъ упускается изъ виду, и они какъ бы не чувствуютъ ея присутствія въ своемъ сердцѣ. Житейскія заботы и занятія, пристрастія къ видимымъ благамъ и матеріальнымъ интересамъ, мірскія развлеченія, чувственныя удовольствія и наслажденія до того погружаютъ ихъ во внѣшній міръ и удаляютъ отъ внутренней жизни души, что они часто оказываются совершенно нечувствительными къ требованіямъ и запросамъ *нашего внутренняго чело-вѣка*; живутъ, мыслятъ и чувствуютъ какъ настоящіе сыны персти; ею только одною и одними ея произведеніями ограничиваютъ кругозоръ своей мысли. *Живущіе по плоти о плотскомъ помышляютъ*. Но *помысленія плотскія суть смерть*, говоритъ Апостолъ (Римл. VIII 5, 6). Подъ тяжестію и давленіемъ ихъ нашъ духъ лишается возможности получать свойственную ему пищу, и за тѣмъ истинная духовная жизнь постепенно замираетъ, подобно растенію, придавленному какой нибудь грубой массой и потому не получающему въ себя ни воз-

духа, ии влаги. Люди, живущіе одними только земными интересами, обращающіе все свое вниманіе и всё свои заботы на одни только порядки, удобства и привилегіи вѣншей жизни, съ забвеніемъ своего высшаго призванія къ небесному отечеству, въ духовномъ царствѣ Христа по истинѣ представляютъ собою тоже, что бездушные автоматы или мертвецы. Они видя не видятъ и слушаю не слышатъ и не разумѣютъ, когда имъ указываютъ на высшее безсмертное назначеніе человека, или когда говорятъ предъ ними о *божественныхъ силахъ*, даруемыхъ Христовою церковію, *для вѣчной жизни и блаженствія*. Такія разсужденія и понятія для нихъ кажутся странными и невразумительными, какъ для слѣпца разсказы о красотахъ природы, высоко-художественныхъ произведеніяхъ живописи, или какъ для дикаго обитателя мрачныхъ непроходимыхъ лѣсовъ умныя одушевленные рѣчи о благахъ цивилизаціи, наукъ и искусствъ. И если бы мы спросили людей, которые служатъ всѣми силами своей души міру и его богу мамонѣ: гдѣ ваше настоящее отечество? то тысячи и миллионы изъ нихъ удивились бы такому вопросу и, не много думая, съ увѣренностію, не допускающею никакого сомнѣнія, прямо отвѣтили бы: разумѣется на землѣ; здѣсь мы родились, здѣсь наши родители и воспитатели, здѣсь мы встрѣчаемъ радости и пріятности дружбы; здѣсь же такъ много удовольствій, развлеченій и увеселеній, которыя оживляютъ и улаждаютъ насъ. Потомъ самымъ дѣломъ и поведеніемъ доказываютъ, что у нихъ какъ бы совсѣмъ нѣтъ стремленія *къ лучшему*, то есть, *къ небесному отечеству*. (Евр. XI. 16).

Не зная и не желая никакихъ высшихъ духовныхъ благъ, они все время, всё силы своего ума, все стараніе и искусство употребляютъ на то, чтобы расширить и увеличить кругъ удовольствій и увеселеній въ своемъ излюбленномъ отечествѣ; — строятъ великолѣпныя палаты и украшаютъ ихъ роскошною обстановкою, заготовляютъ модныя пышныя одежды, заботятся объ общественныхъ привилегіяхъ, чинахъ, наградахъ, связяхъ съ сильными міра сего и укрупненіи своего

матеріальнаго благосостоянія на многія лѣта. И если они успѣваютъ во всемъ этомъ, то считаютъ свою задачу, которую имъ нужно было совершить въ земной жизни, исполненною, а за тѣмъ, по суду многихъ и многихъ міролюбцевъ, называются счастливыми, достойными чести и славы... Но всегда ли и эти любители и обожатели земнаго отечества находятся въ самообольщеніи своимъ счастьемъ? Не чувствуютъ ли и они иногда внутренняго недовольства, скуки, тоски, разочарованій и тяжелой печали, которыя до того угнетаютъ ихъ души, что они, теряясь въ изысканіяхъ, не знаютъ, какъ и чѣмъ успокоить себя?.. Да... при быстрой смѣнѣ занятій, развлеченій и увеселеній, подъ наплывомъ разнообразныхъ впечатлѣній, получаемыхъ изъ шумнаго круговорота земной жизни, они, правда, почти всегда являются истыми сынами персти; для нихъ какъ бы совсѣмъ не существуетъ небо;—они не чувствуютъ въ себѣ ни томительныхъ стремленій къ нему, ни жажды его нетлѣнныхъ благъ.—Во время суетной и безпокойной дѣятельности, когда душа тревожится и волнуется разными предположеніями и соображеніями о земномъ счастьи, идеалы высней духовной жизни также исчезаютъ въ ней, какъ исчезаютъ прекрасныя картины неба съ свѣтлой воды, возмущаемой и обуреваемой вѣтрами. Но когда прекращается эта шумная и тревожная погоня за земными благами и удовольствіями, когда внѣшнее спокойствіе даетъ имъ возможность сосредоточить вниманіе на самихъ себѣ, трезвѣе и глубже разсудить о явленіяхъ окружающаго міра, суетности его удовольствій и непрочности его благъ; тогда и они слышатъ внутри своего сердца печальный голосъ, внушающій имъ, что земля для нихъ не настоящее отечество, а страна чуждая, и они въ ней *странники и пришельцы*. Она не даетъ, да и не можетъ дать прочнаго спокойствія духу. Ея блага болѣе только ласкаютъ, обольщаютъ и заманиваютъ своими прелестями, а не награждаютъ полнымъ вождѣльнымъ блаженствомъ и, что особенно прискорбно, весьма часто въ существѣ своемъ оказываются подслащенной отравой. Это не-

довольство и разочарованіе земными благами испытываемъ мы все и особенно тѣ люди, которымъ приходится испивать полную чашу мірскихъ увеселеній и чувственныхъ удовольствій. И оно навсегда осталось бы для насъ необъяснимымъ, если бы намъ не было открыто, что для безсмертной и богоподобной души можетъ дать твердый миръ и полное блаженство только одинъ Господь въ своихъ обителяхъ небесныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы постоянно недоумѣваемъ, когда замѣчаемъ *крушеніе духа* въ счастливыхъ міра. Чего имъ недостаетъ?—спрашиваемъ самихъ себя. Чего они желали, того и достигнули,—внѣшнія обстоятельства ихъ жизни идутъ желаннымъ порядкомъ, а они большею частію бываютъ скучны и мрачны, особенно когда ихъ ничто не развлекаетъ, и они остаются одни, прислушиваясь къ томительнымъ чувствамъ и стремленіямъ своего сердца. Что же означаетъ эта таинственная скорбь? Она есть выраженіе голода и жажды нашего *внутренняго духовнаго чловѣка*, который не встрѣчаетъ да и не можетъ найти въ кругу мірскихъ занятій и удовольствій свойственной себѣ пищи. Этотъ внутренній чловѣкъ своими *воздыханіями* убѣдительно внушаетъ намъ, что онъ находится вдали отъ дома Отца небснаго, что здѣсь дается ему пища, болѣе пригодная животнымъ, а не безсмертному духу, и что для него *желательно новое жилище*, (11 Кор. V, 2) которое бы вполнѣ отвѣчало потребностямъ и стремленіямъ духовной жизни. Благо тому чловѣку, который испытываетъ это состояніе нравственнаго просвѣтлѣнія и усердно слушаетъ эту проповѣдь сердца, печалующагося о Богѣ: *печаль, яже по Бозь*, говоритъ Ап., *покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣлываетъ* (11 Кор. VII. 10).

Когда онъ при такомъ настроеніи, не развлекаясь ничѣмъ, будетъ пристальнѣе и глубже всматриваться въ явленія и порядки земной жизни, то вскорѣ и разумомъ убѣдится, что земля не даетъ людямъ *пребывающаго града* и постояннаго жилища. Много и много доказательствъ онъ увидитъ вездѣ на эту истинну. Неотразимыми, печальными сви-



дѣтелями ея первѣе всего являются развалины и раскопы городовъ когда-то жившихъ, но навсегда исчезнувшихъ съ лица земли человѣческихъ поколѣній; потомъ безчисленные ряды могилъ, тѣсно примыкающихъ другъ къ другу; но всего убѣдительнѣе и трогательнѣе доказываютъ ее наши умершіе отцы и матери, родственники и дорогіе друзья, съ которыми въ свое время вели общую жизнь и дѣлили задушевные мысли и чувства... Что же?.. невольно при этомъ возникаетъ вопросъ: и эти добрыя, великія души, эти высокія идеи, эта чистая любовь и эти удивительныя качества ума и сердца, которыми обладали многіе наши предшественники на землѣ—все это теперь есть нечто иное, какъ гниль, прахъ и пыль?.. Нѣтъ, — здравый, глубокомысленный и правдивый умъ всегда откажется дать согласіе на такой тупоумный отвѣтъ. Онъ скорѣе согласится съ словомъ Божіимъ и придетъ къ убѣжденію въ той истинѣ, что нашъ Богъ *не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ*, и въ дому Его обителей много; ихъ довольно будетъ для всѣхъ переселенцевъ земли; какъ бы ни было громадно число ихъ. Эта вѣра всегда была присуща здоровой, не исваженной ложнымъ мудрованіемъ, природѣ человѣка. Все человѣчество въ лучшихъ своихъ представителяхъ искони вѣровало, при встрѣчѣ мрачныхъ картинъ смерти, обращало молитвенные взоры на небо, и отъ него ожидало *вѣчнаго нетлѣннаго жилища*. Отрицатели безсмертной, будущей жизни въ исторіи человѣческаго рода представляютъ весьма рѣдкое исключеніе, какъ слѣпые, хромые, глухіе и другіе уроды въ физическомъ отношеніи.

Если мы, слуш., будемъ внимательнѣе всматриваться въ положеніе и душевное состояніе людей, насъ окружающихъ; то они дадутъ намъ другія убѣдительныя доказательства, что человѣческое бытіе не должно ограничиться земною жизнью, и послѣдняя представляетъ собою не болѣе, какъ приготовительный періодъ его. Это общеизвѣстная истина, что человѣкъ здѣсь не достигаетъ высшихъ цѣлей своихъ стремленій и идеаловъ, которые составляютъ преимущество его разумно-духовной природы предъ всѣми земными тварями.

Такъ мы всѣ любимъ мудрость и науку. Ревнители мудрости и ученые по справедливости пользуются уваженіемъ у каждаго, кто предпочитаетъ разумное предъ животнымъ и матеріальнымъ, какъ свѣтъ предъ тьмою. Но достигаютъ ли люди науки и ревнители знанія удовлетворенія своимъ благороднымъ желаніямъ? Бываютъ ли они довольны плодами своихъ неусыпныхъ трудовъ, въ которыхъ проводятъ лучшіе цвѣтушіе годы своей молодости, съ отказомъ отъ разныхъ удовольствій и увеселеній мірской жизни? Увы! Они даже больше страдаютъ жаждою истиннаго и полного знанія, чѣмъ люди малоученые. Чѣмъ больше расширяется кругъ ихъ знаній, тѣмъ обширнѣе открывается область невѣдомаго. И относительно самыхъ важныхъ вопросовъ о мірѣ и жизни, которые особенно беспокоятъ человѣческой разумъ, они почти столько же мало знаютъ, сколько и неграмотный простолудникъ. *Видимъ нынѣ, якоже зеркаломъ въ заданіи* (1 Кор. XIII. 12): такъ слабо цѣнили свою мудрость даже тотъ, кто удостоился божественнаго умнаго озаренія свыше. А самый пресловутый мудрецъ между людьми науки послѣ серьезнаго самоиспытанія вынужденъ былъ высказать такую грустную, полную отчаянія, исповѣдь: „я знаю то, что ничего не знаю“. Спрашивается: неужели этимъ благороднымъ стремленіямъ человѣка къ истинному полному знанію не суждено никогда и нигдѣ получить удовлетворенія? Нѣтъ: нашъ Богъ есть *Истина, Свѣтъ и Жизнь*. Онъ разгонитъ тьму, облегающую нашъ разумъ, какъ нѣкогда разсѣялъ тьму, покрывавшую первобытныя хаосъ, изъ котораго силою и жизнью свѣта должны были образоваться прекрасные видимые міры, наполняющіе нашу вселенную. Будетъ время, когда онъ откроетъ въ своемъ царствѣ духовный свѣтъ въ такой мѣрѣ для нашего разума, какой требуетъ наша любовь къ истинѣ, и во *свѣтъ Его мы узримъ свѣтъ*, вполнѣ удовлетворяющій наши стремленія къ знанію.

Не меньшую вѣру въ небесное отечество внушаютъ намъ врожденныя нашему духу стремленія къ добру и правдѣ. Мы всѣ желаемъ нравственнаго совершенства, и однако въ насто-

ящемъ состояніи на землѣ самые лучшіе люди его не достигаютъ. Мы желаемъ добраго, а творимъ часто, вопреки собственной нашей волѣ, порочное и злое. Грубыя влеченія плоти и матеріальные интересы стѣсняють и сдавливають высшія душевныя желанія. Не даромъ по этому еще древніе видѣли въ тѣлѣ нашемъ темницу для духа, въ которой онъ, какъ узникъ, не можетъ свободно раскрывать и развивать свои силы. А великій учитель и подвижникъ Христіанскихъ добродѣтелей, тяготясь тѣлесною храминою, выразилъ такую горькую жалобу: *бѣдный я человекъ! кто меня избавитъ отъ сего тѣла смерти* (Римл. VII. 24)? Не говоря уже о косности, нерасположеніи и даже отвращеніи его къ подвигамъ духовной нравственной жизни, сколько оно причиняетъ намъ безпокойства и мучительныхъ страданій своими немощами и болѣзнями!.. Соображая всё эти затрудненія и препятствія, какія встрѣчаетъ нашъ духъ въ тѣлѣ для осуществленія своихъ высшихъ нравственныхъ стремленій, мы необходимо должны придти къ тому убѣжденію, что для него должна быть другая область жизни — *уготовано другое жилище*, гдѣ бы онъ могъ свободно отправлять свойственную ему дѣятельность. Иначе идеалы его навсегда останутся неосуществимыми.

Небеснаго отечества справедливо желаютъ, наконецъ, всё труждающіеся и обремененные житейскими скорбями; его пламенно ожидаютъ алчущіе и жаждущіе правды и всё страсто-терпцы, потерпѣвшіе мученія ради славы имени Божія.

Для безчисленныхъ милліоновъ земля не только не представляется гостепріимною родиною, но по истинѣ ок азывается юдолію плача и скорбей. Со слезами они являются на землю, слезами орошаютъ ее въ продолженіе цѣлой жизни и, омываясь слезами скрываются въ нѣдра ея. Сколько людей со дня своего рожденія и до самой смерти проводятъ жизнь свою въ нищетѣ, притѣсненіяхъ, рабствѣ, непосильныхъ изнурительныхъ трудахъ, въ болѣзняхъ и страданіяхъ! Для нихъ закрыты храмы наукъ и искусствъ, и какъ мы всё ни бѣдны истинными бла-лами, но они не знаютъ даже никакихъ. Самыя красоты види-



мой природы для ихъ удрученнаго скорбію сердца и опечаленнаго взора теряютъ свои прелести, и весь міръ представляется только рабочимъ домомъ, гдѣ за скудный кусокъ насущнаго хлѣба они платятъ безсонными ночами и потowymi работами. Чтоже? Неужели для этихъ страдальцевъ никогда не будутъ открыты блага жизни, и они послѣ смерти навсегда исчезнутъ, ознакомившись только съ скорбями и страданіями бытія?.. Нѣтъ и пѣтъ... Этого не должно быть въ царствѣ всеблагаго Бога, по опредѣленію котораго *скорбями надлежитъ пролагать путь къ небу, а отъ снѣнія слезами пожинаеть вѣчныя радости*. Въ этихъ правдивыхъ чаяніяхъ насъ еще болѣе увѣряютъ страданія, мученія и истязанія такихъ благочестивыхъ, святыхъ лицъ, которыхъ, по слову апостола, *не былъ достоинъ весь міръ*. Намъ извѣстно изъ исторіи, что многіе изъ нихъ за свое святое ученіе и за свои правдивыя обличенія грѣховъ человѣческихъ испытали отъ нечестивыхъ правителей и озлобленныхъ людей *поруганія и побои, узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, умирали отъ меча, на крестахъ, и пылающихъ кострахъ...* (Евр. XI). Представляя все это въ живыхъ, ясныхъ образахъ, можно ли думать, чтобы въ царствѣ Всемогущаго, Святѣйшаго и Праведнаго Бога зло навсегда осталось побѣдоносною силою, а святость и добродѣтель оказались угнетенными и уничтоженными, — чтобы Ироды и Нероны на вѣки торжествовали надъ тѣми жертвами своей неистовой злобы, которыя всю свою жизнь и душу отдали на служеніе Богу?.. *Если мы въ сей только жизни надѣемся на Христа, говоритъ апост., то мы несчастныя всѣхъ человѣковъ, — тогда и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра, и умершіе во Христа погибли.* (1 Кор. XV). Такъ ли это?.. Нѣтъ; — святые мученики знали, что дѣлали, и это знаніе дано имъ самимъ Богомъ. Въ силу этого знанія они и *ожидали новаго неба и новой земли, на которыхъ будетъ обитать правда.* (2 Петр. 3. 13).

Слуш. христ! Въ заключеніе нашего слова, мы все-таки должны сознаться, что ни одинъ человѣкъ не можетъ

вѣрно сказать, что насъ ожидаетъ послѣ смерти. Естественному уму человѣка не дано силъ разумѣть эту тайну Божию. И когда люди берутъ на себя смѣлость разрѣшить и разъяснить ее, то, вмѣсто положительныхъ и опредѣленныхъ мнѣній, запутываются еще болѣе въ противорѣчійхъ и фантастическомъ пустословіи. Одинъ только Господь нашъ І. Христосъ Своимъ воскресеніемъ озарилъ тайну будущей жизни. Онъ только одинъ, шедшій съ неба на землю и отъ земли вознесшійся во славу на небо, знаетъ путь, который ведетъ къ вѣчному блаженству. Этимъ путемъ взошла на небо Пречистая Его Матерь. Этимъ путемъ, который Онъ означилъ Своимъ Евангельскимъ ученіемъ и образомъ земной жизни, должны слѣдовать и мы, чтобы достигнуть вѣчнаго покоя и блаженства, къ чему такъ неудержимо стремится безсмертный духъ нашъ. Аминь.

Ректоръ семинаріи, протоіерей П. Лосевъ.

### Содержаніе:

— Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы. Ректора Семинаріи Протоіерея *Петра Лосева*.

Редакторъ **Н. Суворовъ**.

Дозволено цензурою. Августа 31 дня, 1881 года. Вологда  
Въ типографіи Губернскаго Правленія.